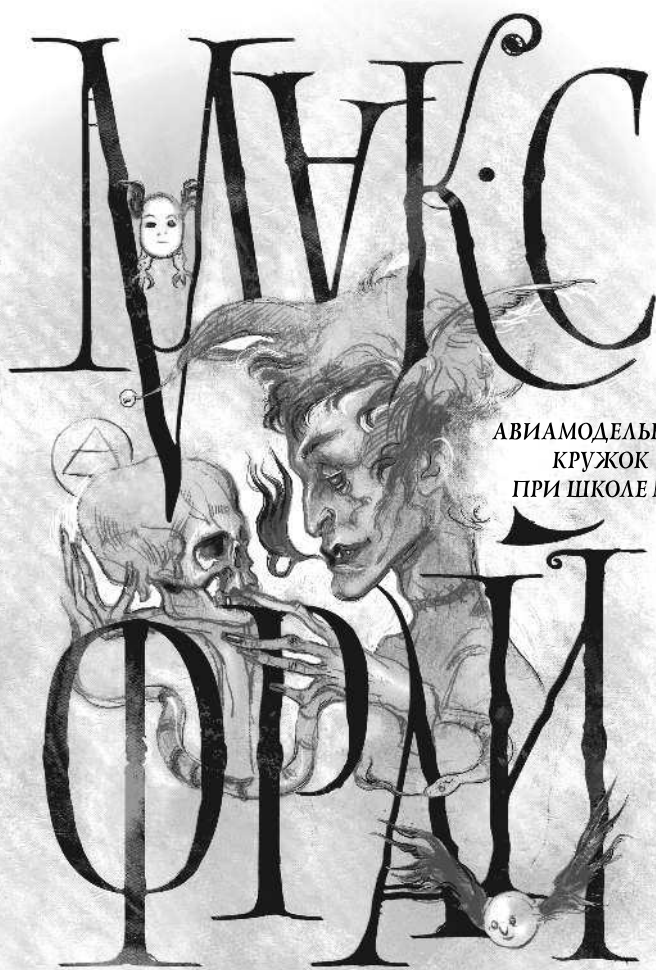

Иллюстрации Марины Алеф

**АВИАМОДЕЛЬНЫЙ
КРУЖОК
ПРИ ШКОЛЕ №6**

АВИАМОДЕЛЬНЫЙ
КРУЖОК
ПРИ ШКОЛЕ №6

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
А20

Книга публикуется в авторской редакции

Оформление Марины Алеф

А20 Авиамодельный кружок при школе №6 / сост.
Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2017. —
352 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-101432-2

Название этой книги придумал Константин Наумов и любезно разрешил использовать его для сборника рассказов разных авторов, возможность работать с которыми составитель считает одной из самых больших удач в своей жизни.

Что скрывается за этим названием? Торжество деперсонализации, все вот эти драгоценные пограничные состояния между памятью и забвением, осознанием и страхом, жизнью и смертью, неведомые территории, откуда мы, храбрые летчики, настоящие бойцы, иногда возвращаемся не просто живыми, а с добычей.

Наша добыча — вот она.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-101432-2

© Макс Фрай, текст
© Марина Алеф, иллюстрация
на обложку, форзацы,
внутренние иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2017

НАТАЛИЯ РЕЦЦА

И ОНИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ЗВЕЗДЫ

Все — как предсказано.

Вот долина, вот снег. Вот вдалеке белое небо сходится с белой землей, а между ними выюга. Вот битва. Вот я, в руке топор, в бороде ветер. Вот каркает ворон, размеренно, словно подсчитывает: пал еще один храбрый воин. И еще один, и еще. А вот копье в моем сердце. Старая Гунхильд говорила мне: ты не доживешь до рождения сына.

Держать, держать топор, не разжимать кулак. Старая Гунхильд говорила: последний зов горна услышат лишь те, кто умер с оружием в руках. Я не страшусь смерти. Я знаю, что достоин небесного чертога. Но что мне там делать, если там не будет Ингвильд. Ингвильд похожа на снег — мягкая и искристая и пахнет одновременно и жизнью, и смертью. А глаза — синие, каким бывает мир, когда небо, покинутое солнцем, еще не стемнело до черноты, но уже замерцало золотом звезд. Каркает ворон. Считает тех, с кем я выйду на самый последний бой этого мира, когда зазвучит горн. Я больше никогда ее не увижу. И никогда

не увижу сына. Вьюга заметает свет. Белое небо над головой, белый снег под головой. Я храбро сражался. Рядом лежит тот, чье копьё торчит из моей груди. Как я узнаю сына, когда он вырастет, и пойдет биться, и погибнет с топором в руке? Как я узнаю его в небесном дворце, если не видел его лица? Только боги знают все наперед. Боги, бессмертные и всемогущие. Вечные, и огромные, и непостижимые боги, наши отцы. Белые, как свет. Светлые, как снег. Снежные, как смерть. Каркает ворон. Глаза моего сына будут такими же, как у Ингвильд. Хотел бы я увидеть, как он растет. Хотел бы увидеть, как появятся первые морщины на лице Ингвильд. Как золото разбавится серебром, как серебро превратится в белый свет, белый снег. Руки немеют, но я не разожму кулак и не выпущу топор. Никогда. Никогда... Только белый свет, и снег, и ветер, и каркает ворон. Откуда здесь ворон, в этой чертовой рыжей пустоте? И ветра здесь нет. Это гудит в голове от усталости. И не ворон это каркает, а сдохший двигатель. Без толку, ясно уже — не заведется. И надеяться не на кого. Спихвоятся завтра — утром мне надо выходить на связь для отчета, а я, получается, не выйду. Суточные объемы на шахте сами о себе не доложат. Прилетят парни с четвертой базы, поедут искать, найдут меня тут, окоченевшего внутри скафандра.

И поделом. Завьялова предупреждала: не отъезжай от базы дальше того расстояния, которое сможешь осилить пешком до заката. Скафандр не выдержит ночные минус сто двадцать по Цельсию, — сказала Завьялова. А закат уже близится. Небо, днем такое же рыжее, как земля под ногами, сейчас розовеет. Крыша базы золотом бликует на горизонте. Красиво, хотя положение от этого еще более нелепое. Пройти пятилетнюю подготовку, поставить се-

мью под угрозу развода, проторчать в корабле полгода, припереться за семьдесят миллионов километров — и замерзнуть посреди рыжей пустыни, сжимая в руке камень для Лехи. Дурак у тебя папка, Леха. И за это его взяли живым на небо, где он и отбросит свои космонавтские ботинки. Сколько я уже иду — два часа? Три? Сумерки здесь длиннее, чем дома, но я все равно не успею. Небо совсем потускнело, и через повисшую в атмосфере пыль уже просвечивает чернота. Не успею. Ведь мог же взять любой осколок, сколько их вокруг базы валяется. Пятилетнему пацану обломок кирпича можно было бы подсунуть — главное, что папка космонавт подарил, кто там проверять будет. Лиля так и скажет — довыпендривался. Так ведь знала, за кого вышла. Другие мужья сидят сейчас в своих конторах, перекладывают бумажки, галстуками пот трудовой утирают, а я тут, в неуклюжем скафандре, на рыжей планете, с камнем в руке бреду к базе. Права будет Лиля: довыпендривался. Прямо вижу ее сердитое лицо. Ее и разозлит-то не то, что я окочурюсь, а то, каким образом. Поперся к старому карьеру, где была снята самая первая — историческая — фотография местного ландшафта. Зачем поперся? А чтобы можно было потом ткнуть пальцем в ту фотографию: вот, вот этот камень, видишь? И достать жестом фокусника из кармана. А Завьялова говорила: там вышка давно не обслуживается и связь не берет. И двигатель сдох. Космос — папаня, а хаос, значит, дедушка, и чувство юмора у него не фонтан. Не успею, сына, извини. Небо уже почернело, и замаячили над головой звезды. Красиво, черт бы их побрал. Не увидимся, получается, никогда. Надеюсь, поисковые догадаются камень этот чертов забрать отсюда вместе со мной, главное сейчас — держать его, не выронить, не разжимать кулак. Гудит в голове. Семьдесят миллионов километров, мать

их за ногу. Кажется, до базы рукой подать, вон же она. Даже в тяжеленном скафандре успел бы, хватило бы пары часов, если бы не зашло солнце. Недостающие два часа перерастут в вечность, за которой все так гоняются. А утро, когда можно было бы включить передатчик и услышать голос сына, превратится в никогда. Никогда. Но это все мелочи, главное теперь — не разжимать кулак. Гудит в голове, и каркает ворон. Вон он, на дереве, за окном. Не дает мне уснуть. Обычно я на него сержусь, потому что если сразу не уснуть, кажется, что сон-час не закончится никогда. А сегодня, когда мы улеглись, я увидела на одеяле жука. И спрятала его в кулак. Если засну, то жук уползет, а мне надо его показать Борьке. Делать нечего — надо лежать, и молчать, и рассматривать рисунок, который нарисован трещинками на потолке. И гудит не в голове — это лампы. Дома лампы никогда так противно не гудят, а здесь всегда. Только обычно их не слышно. А в сон-час слышно.

В сон-час вообще все другое. Обычно тут у нас шумно и все разноцветное. А в сон-час все становится тихим и белым. Кровати белые, подушки белые, одеяла белые, а все остальное, хоть и не белое, будто белеет. И стены и пол. И потолок становится еще белее обычного. Борька говорит: в одном часе примерно сто минут, а мне иногда кажется, что не сто, а гораздо больше. Каждый раз, когда не сплю на сон-часе, кажется, что это не кончится никогда-никогда: кровати, потолок, и ворон за окном. А потом Елена Васильевна всех будит, и время снова идет, как обычно. Просто сегодня мне нельзя засыпать. У меня в кулаке жук, и мне надо показать его Борьке. Елена Васильевна сказала: нельзя вставать во время сон-часа, а кто встанет, того она в угол поставит. А если она меня в угол

поставит, то и жука может забрать. Если бы можно было встать, я бы положила жука в пенал с карандашами. Но вставать нельзя, и засыпать тоже, потому что Борька любит книжки про солдат, которые раньше жили на Севере, а у жука на голове рога, как у такого солдата. У Борьки книжки с картинками, там эти солдаты нарисованы. Борьке понравится жук. А когда сон-час, и не спишь, и гудят лампы, время тянется медленно. Хорошо, что каркает ворон: не дает уснуть. Борька говорит, что ворон — волшебный, это тоже в книжках написано. Может, и волшебный. Большим виднее. Борька уже большой, он в этом году пойдет в школу. Это еще нескоро. До осени так далеко, что я почти не могу вспомнить, как она выглядит. Борька почти такой же большой, как мама, а мама очень большая. Мама часто говорит, что время летит очень быстро. Думаю, это потому, что большие знают так много. Мама знает все — как печь пирожки с брусникой, и какая будет погода завтра, и куда мы поедем через неделю. Интересно, как время летит для жука, которого я держу в кулаке? Мама придет, когда стемнеет, и заберет нас — меня отсюда, а Борьку из старшей группы. Главное, чтобы жук не уполз. Из пенала не уползет, а из кулака может, если я усну. Поэтому я лежу, и слушаю, как гудят лампы, и смотрю на трещинки на потолке, и чувствую, как жук в моем кулаке шевелит лапками, и хочу, чтобы окна поскорее стали синими, а у уличных фонарей, если прищуриться, отрастают лучи, и они превращаются в звезды.

Юлия Ткачева

Ворон

Я помню, с чего все началось. В тот день белая колесница, что зимней порой в самые страшные бури проносились сквозь наш лес в снежном вихре, впервые несла на себе двоих. Те из лесных жителей, что были смелее и любопытнее прочих, выбрались тогда своих из нор и гнезд, чтобы лучше разглядеть небывалое. Рядом с женщиной, правившей колесницей, сидело человеческое дитя. Ребенок заворожено глядел в глаза своей спутнице, а она ласково улыбалась ему в ответ. Светлые волосы мальчишки были ничем не покрыты, снег лежал на плечах, ресницы опушил иней — но его это как будто ничуть не волновало.

Много времени спустя, когда стихла метель и улеглась снежная пыль, мы собрались, чтобы обсудить увиденное.

Я сказал:

— Ничего хорошего из этого не выйдет. Для чего бы ей ни понадобился этот ребенок, уверен, он понадобился для злых дел.

— Все бы тебе каркать, — возразила мне белка, — может быть, она пощадила и взяла с собой этого мальчика пото-